

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВОЙНЫ В ПОЭЗИИ НАТАЛЬИ КРАНДИЕВСКОЙ-ТОЛСТОЙ

М. Н. Занько

*Белорусский государственный университет, ул.К. Маркса, 31, 220030, г. Минск,
Беларусь, mariazanko1@gmail.com*

Статья посвящена исследованию военной поэзии Н. Крандиевской-Толстой на примере углубленного изучения стихотворений, посвященных трагическим событиям Великой отечественной войны. Рассмотрены черты блокадной лирики поэтессы, такие как повышенное внимание к деталям военного быта, историзм, натурализм, дневниковость и автобиографизм, позволяющие выявить отдельные биографические моменты из жизни Натальи Крандиевской в блокадном Ленинграде и ее личные переживания, воплощенные в стихотворениях. Раскрывается специфика образной системы стихотворений военного периода через психологию отношения женщины-поэта к военным событиям.

Ключевые слова: военная поэзия, блокадная лирика, жизнь и творчество Натальи Крандиевской-Толстой.

ARTISTIC INTERPRETATION OF WAR IN THE POETRY OF NATALIA KRANDIEVSKAYA-TOLSTAYA

M. N. Zanko

*Belarusian State University, K. st. Marksa, 31, 220030, Minsk, Belarus, ,
mariazanko1@gmail.com*

The article is devoted to the study of the war poetry of N. Krandievskaya-Tolstaya using the example of an in-depth study of poems dedicated to the tragic events of the Great Patriotic War. The features of the siege lyricism of the poetess are considered, such as increased attention to the details of military life, historicism, naturalism, diarism and autobiography, which make it possible to identify individual biographical moments from the life of Natalya Krandievskaya in besieged Leningrad and her personal experiences embodied in poems. The specificity of the figurative system of poems of the war period is revealed through the psychology of the woman poet's attitude to military events.

Key words: war poetry, siege lyrics, life and work of Natalia KrandievskayaTolstaya.

В 1941 году Наталья Крандиевская-Толстая как жительница оккупированного Ленинграда оказалась в центре трагических военных событий. Осознавая неопределенность ситуации и неизбежные предстоящие лишения, она, оставаясь патриоткой своего города, отказалась

от многочисленных предложений уехать и осталась жить в осаде, а потому испытала в полной мере голод, холод, страх смерти, гибель близких и знакомых, попав в замкнутый круг военных лишений и страхов. Пережитый, во многом травматичный, опыт отразился в ее поэтическом сборнике «Грозовой венок», особенно в стихотворениях раздела «В осаде», который был полностью посвящен жизни в блокадном городе. Данный сборник стихотворений Крандиевской-Толстой – это книга о бесстрашии души и о ее освобождении. Тема обретения внутренней опоры при внешних тяжелых обстоятельствах уже и ранее присутствовала в творчестве поэтессы, однако теперь «к личному прибавилось народное, и личное стало народным» [12].

Из биографии Натальи Крандиевской известно, что Алексей Николаевич Толстой в любой момент мог организовать эвакуацию своей бывшей жены и предлагал перевезти ее в более безопасное место. Свой отказ поэтесса высказала в поэтической форме:

Ты пишешь письма, ты зовешь,
Ты к сытой жизни просишь в гости.
Ты прав по-своему. Ну что ж! И я
права в своем упорстве...
[6, с. 116].

При помощи анафоры («ты пишешь, ты зовешь, ты просишь в гости») поэтесса подчеркивает, что «сытая жизнь», спокойствие – это совсем не то, что нужно ей (равно и ее лирической героине). В стихотворении можно наблюдать глаголы действия («просишь», «зовешь», «пишешь»), но они не трогают ее и не меняют ее решения. Риторическое восклицание, а после него умолчание в последнем стихе словно ломает горизонт ожидания читателя. Говоря о своей правоте, лирическая героиня не сомневается в своей правоте, «в своем упорстве».

«Мне это время по плечу», – твердо заявляет она в стихотворении и не ищет иной, более легкой судьбы. Она не сдается, проявляя неженское мужество и патриотизм, проживая каждый день блокады вместе с тысячами ленинградцев. И даже при выборе между смертью и предательством по отношению к блокадному городу, поэтесса предпочитает с гордостью погибнуть вместе со всеми:

И если надо выбирать
Судьбу – не обольщусь другою.
Утешусь гордою мечтою, – за
этот город умирать! [6, с. 116].

Стоит особо отметить, что события 1941 года вернули поэтессе «голос». В замужестве у Натальи Крандиевской практически не было времени и сил

писать стихи: она помогала во всем Толстому, была для него музой и хранительницей. Предательство мужа стало для нее тяжелой личной трагедией, выйти из которой, как ни странно, помогло общечеловеческое горе – война, которая заставила не просто дальше жить, но выживать, ценить каждый день и даже вернуться к творчеству. Во времена блокады женщина осталась одна в сложных условиях, и именно поэзия помогала ей выжить, стала «отдушиной» и опорой, а затем и свидетельством блокадных лет. «Крандиевской пришлось распрощаться с масками, которые, казалось, приросли к лицу: красавица-поэтесса, променявшая дар на любовь и услужение, уходила из царскосельского дома старухой и, оказавшись в блокаде, вроде бы хотела лишь одного – исчезнуть окончательно. Но тут произошло чудо: к ней из этого исчезновения вернулись ее собственные слова, ее собственный совершенно особый голос» [2, с. 57].

Позже жизнь Натальи Васильевны в блокаде так вспоминал Дмитрий, сын Крандиевской: «Казалось, что стихи заменяли ей хлеб. <...> И в стихах, и в жизни она чутко улавливала дух своего народа. Она была душой бойцом <...> Ее блокадные стихи заставляли почувствовать в себе Россию как нечто неразрывное со всем моим существом. <...> На прощание мама перекрестила меня, поцеловала и сказала: “Помни, сынок! Есть великая, наша русская добродетель, которая спасает нас всегда. Это терпение. Будь терпелив”» [8].

Большая часть военных стихов была написана Крандиевской Толстой в конце зимы и весной 1942 году. Это было тяжелейшее время, когда не хватало оружия, солдат, провизии, еды, но именно тогда люди поняли, что они не умерли, а худшее осталось позади. Полина Барскова в книге «Седьмая щелочь» пишет: «Именно этот блокадный период казался передышкой, возможностью дышать, а значит, был связан с вдохновением, желанием творчески притрагиваться к опыту блокадной зимы, к переменам, которые она произвела со своими жертвами, со своими субъектами, с теми, кто побывал в ее плену» [2, с. 50].

Сама Крандиевская в письме к родным в годы блокады сообщает: «Ехать я никуда из Ленинграда не хочу. И чем дальше, тем крепнет во мне все больше это нежелание удаляться из родного города и родного дома. Одиночество мое меня не тяготит никак. Оно для меня естественно, я “дозрела” до него и думаю, что для общежития какого-либо я сейчас была бы и не годна, пожалуй, после всего пережитого» [2, с. 54].

Смерть и одиночество в оккупированном городе не пугают Крандиевскую, лирическая героиня не видит другого выхода, кроме как остаться выживать и таким образом бороться за свободу, как внешнюю (народную), так и внутреннюю (личную). В каждой строчке звучит неподдельная любовь к родному краю, а отъезд равен измене, в первую очередь, самой себе:

И променять за бытие,
За тишину в глуши бесславной
Тебя, наследие мое,
Мой город великодержавный?
Нет, это значило б предать Себя
на вечное сиротство
[6; с. 93].

Известно, что в Ленинграде была запрещена несанкционированная съемка, это было просто опасно, потому что людей могли арестовать или расстрелять за страшные подробности нечеловеческих условий жизни, поэтому снимков из военного города осталось не так много, но стихотворения Крандиевской-Толстой обладают «фотографичностью», особым вниманием к деталям военного быта, и потому они помогают прочувствовать, что пришлось пережить людям на войне. Поэзия настолько погружает в ткань блокадной жизни, что делает читателя участником событий. Едва ли возможно в полной мере понять весь ужас пережитого, но благодаря Крандиевской строки стихотворений словно отпечатываются в памяти, постоянно напоминая о войне. Здесь также достаточно явно можно проследить новаторские черты неотрадиционализма в ее поэзии: «Стратегию транстекстуальности характеризует такое необыкновенное развитое чувство историзма, переживание истории в себе и себя в истории» [10; с. 134]:

«Мы на прошлой неделе
Мурку съели, А теперь
– этот вот...»
Шевелится в портфеле И
зловеще мяукает кот
[13; с. 108].

В стихотворении поражают натуралистические детали: например, от долгой голодовки и безысходности пищей становятся даже домашние животные, которые недавно были членами семьи. При этом обреченный кот мяукает не жалобно, прося о помощи, а зловеще, стараясь напугать людей, которым уже не страшно ничего, в которых животные инстинкты начинают побеждать.

Важное значение имеет и топонимика в стихотворениях о войне: блокадная география поэтессы особенно точна и многообразна. Для того, чтобы лучше ощутить весь ужас войны и мысленно вернуться в те времена, показать обширность территорий, Наталья Крандиевская-Толстая вводит в

повествование места, связанные с блокадой Ленинграда, в первую очередь конечно реку Неву как центр и средоточие города:

Кружит вьюга над Невую, В
белых перьях, в серебре...
[6; с. 97].

И смерть на невском берегу Напрасно
карты мне пророчат
[13; с. 93].

В своих стихотворениях военной тематики поэтесса упоминает и другие города России, которые неразрывно связаны с военными действиями и тоже переживают трагические времена:

Из Вологды писали: «Хлеба, Представьте,
куры не клюют!»
[6; с. 95].

Из Куйбышева нам писали
А град Петра и в этот раз,
Хотите ль вы, иль не хотите, Он
обойдется и без нас!
[6; с. 96].

Завороженная, глядишь На
запад, в зарево Кронштадта
[6; с. 103].

Психологически точно в поэзии Крандиевской-Толстой показано, как в тяжелое время войны, в условиях осады города, меняется отношение ко многим вещам и событиям. Безмерно пугавшие ранее арест и смерть потеряли свою силу. Если «трудно хоронить, а умереть не трудно» [6, с. 100], как писала в своих стихах поэтесса, то человек перестает бояться собственной смерти. А для некоторых смерть становится даже каким-то облегчением: иногда она предстает перед людьми в качестве избавления от мучений. И это абсолютно понятно, ведь на 125 блокадных грамм хлеба практически невозможно было выжить. «Она умирала, получая 125 блокадных грамм своей пайки, но не позволила ни себе, ни младшему сыну вынуть из помойного ведра, стоящего за приоткрытой дверью в квартиру предисполкома, засохшую французскую булку: “Будем гордыми”. И спасла

ее подруга, которую Господь надоумил со стаканом выданного по случаю киселя идти к ней через весь заледенелый город». [11, с. 15].

В семейном архиве Натальи Крандиевской-Толстой хранится фото, которое было сделано из окна ее квартиры. На фото видно, как к дому подъезжает автомобиль для перевозки заключенных – воронок. Репрессии не прекращались и в блокадное время, но если до войны арест был для нее ужасом, а смерть пыткой, то теперь, в дни блокады, страх смерти притушился. И, говоря за себя, она говорила за всех, кто пытался выжить и не сойти с ума. Смерть приобретает черты обыденности, сливаясь с бытом людей:

Если на труп у дверей
Лестницы черной моей Я в
темноте спотыкаюсь, – Где
же тут страх, посуди? Руки
сложить на груди К
мертвому я наклоняюсь
[6, с. 106].

Для того, чтобы выжить в такое трудное время, необходимо большое мужество, сила духа, смелость и терпение. Поэтесса ничуть не скрывает, что так стойко держится и благодаря тому, что все люди сплотились вместе, единое горе коснулось каждого человека, не оставив никого равнодушным. Конечно, психологически сложно противостоять фашизму и войне, но Крандиевская-Толстая верит, что именно консолидация людей в горе и совместных трудностях поможет одержать победу над врагом и выжить в этой смертельной схватке.

Психологическое состояние людей военного времени передает даже лексика и синтаксис стихотворений блокадного периода. Стихи часто краткие, строки небольшие, слова простые, привычные, конструкции почти разговорные. Лирический герой словно чеканит, «отбивает» слова, что передается, например, через прием парцелляции:

Спросишь: откуда такой
Каменно-твердый покой?
Что же нас так закалило?
Знаю. Об этом молчу.
Встали плечом мы к плечу Вот
он покой наш и сила
[13; с. 106].

Нельзя забывать, что главные жертвы войны - обычные, ни в чем неповинные люди. Может, поэтому поэтесса отдает предпочтение разговорным словам, показывая народный характер войны: «Паровозик // свистнул тощий», «Какая глушь! Какая тишь!». Становятся частотны в стихотворениях о войне и частицы: иль, ль, ишь, -то: «Я сама-то скоро с ног спаду», «Мало ль загробных гонцов, // С окаменевшею кожей?». Наблюдаются и другие формы сниженной разговорной лексики:

Отметил: «справиться о цене».

А баба, сама страшнее смерти,

На ходу разворчалась: «Ишь, горе великое!

Фасо-о-нный еще им, сытые черти. На

фанере ужо сволокут, погоди-ка»

[13; с. 105].

В действительности, именно поэзия, воплотившая не только личное, но и всенародное горе, помогла выжить Крандиевской-Толстой в чудовищные годы лишений. Творчество имело терапевтический эффект – оно позволяло ей выплеснуть свои эмоции, переживания, отвлечься от всего того, что происходило за пределами пустой комнаты. «Такой тяжелый, мучительный год, фантастическая зима ко всем тем ужасам, которые довелось пережить, – пишет Шапорина, – и такой творческий подъем, как у <...> Натальи Васильевны. Меня это потрясает и подымает мой дух. Нет, мы не погибнем» [11].

Таким образом, Крандиевская не только в саму себя вселяла надежду, она давала ее и всем остальным, кто вынужден был выживать в Ленинграде. Сочувствовала поэтесса не только людям, но и животным.

В кухне крыса пляшет с голоду, В

темноте гремит кастрюлями.

Не спугнуть ее ни холодом, Ни

холерами, ни пулями

[6; с. 99].

Интересную роль в блокадном стихотворении играет крыса: «Взгляд Крандиевской был взглядом, полным жалости к себе, к другому, хоть бы этот другой был крыса, с которой ей пришлось скоротать худший кусок первой, смертной зимы» [2; с. 60].

Крыса сторожит пустые комнаты, ждет спасения, милости и тепла вместе с лирической героиней. Вместе с ней она и верна, и невиновна.

Крыса, которая обычно ассоциируется со смертью, разрушением, здесь предстает в качестве символа выживания вопреки всему.

Наталья часто вспоминает о том, как раньше ее пугала различная нечисть и мифические, сказочные существа. А теперь Крандиевская показывает, что настоящий ужас – это не чудовища, а то, что происходило во времена блокады, когда был голод, болезнь и смерть повсюду. В поэзии Крандиевской-Толстой появляется сказочное двоemiрие: в страшную реальность, искаженную больным воображением страдающего от голода и холода человека, легко проникают мифические, вымышленные персонажи. Но настоящее оказывается еще более жестоким, чем мир домовых, вурдалаков и хиздриков:

Крался ко мне вурдалак,
Лапка выжиги сухая. И, как
тарангул, впотьмах
Хиздрик вбегал на руках.
А домовой? А кощей?
Мало ль загробных гонцов,
Духов, чертей, мертвецов С
окаменевшею кожей?
[6; с. 105].

Героиня сочувствует не только людям, животным, но и домам, в которых больше никто не живет, кроме привидений: «Как приведенья незаконные, // Дома зияют безоконные».

Стоит отметить, что в блокадных стихотворениях вечерняя часть суток преобладает над днем. Однако и ночью не всегда наступает тишина: когда заканчиваются ежедневные заботы, продолжаются обстрелы, налеты. И едва ли кто-то во времена кровавой войны находит в себе силы любоваться «бирюзой лунной влаги»:

До луны ли в самом деле,
Если летчику глаза
И внимание в обстреле
От живой отводит цели Лунной
влаги бирюза?
[6; с. 101].

После трудного и голодного дня не остается сил абсолютно ни на что. Но одна из немногих радостей, которая осталась у героини, – книги, которые позволяют отвлечься даже от ночных обстрелов:

Забуду все с хорошей книгой,
Пусть за окном пальба.
Беснуйся, дом снарядом двигай, – Не
встану, так слаба
[6; с. 103].

Перед сном лирическая героиня читает, например, Диккенса:

Я стелила постель себе на оттоманке,
Положив к изголовью Диккенса том
[6; с. 111].

Если кто из классиков и важен для этического и эстетического мира блокады Крандиевской, так это Диккенс, которого она упоминает не раз и с которым вступает в вольный диалог:

Майский жук прямо в книгу с разлета упал На
страницу раскрытую – «Домби и сын».
Пожужжал и по-мертвому лапки поджал.
О каком одиночестве Диккенс писал?
Человек никогда не бывает один
[6; с. 111].

«Мы знаем из блокадных дневников, что именно Диккенс был одним из главных утешителей читающих блокадников: алхимик, умевший соединить самую темную, жалкую правду с самой ослепительной, невероятной, тем более неотразимой надеждой. Как и у Диккенса, в стихах Крандиевской поражает сочетание документального письма, направленного на чудовищную реальность, с убаюкивающей, утешающей, родительской и родительской интонацией» [2; с. 62]. Эта интонация слышна во многих блокадных стихах Крандиевской-Толстой:

И спешат по снегу валенки, - Стало
уж темнеть.
Схоронить трудней, мой маленький,
Легче – умереть
[6; с. 108].

К кому обращается лирическая героиня, кто этот «маленький»? Возможно, «мой маленький» - это ее младший сын Митя, который пережил

с ней блокаду. Известно, что сам раздел «В осаде» Наталья посвятила ему. Или «мой маленький» - это город, на который устремлен ее «уменьшительно-ласкательный» взгляд любви: такой слабый и беззащитный, почти мертвый возлюбленный город. А может, это внутренний ребенок, которого успокаивает поэтесса.

Не случайно, в поэзии о блокадном ужасе, иногда появляются образы детей.

Обледеная дорожка Посередине
мостовой.
Свернешь в сторонку хоть немножко, -
В сугробы ухнешь с головой,
Туда, где в снеговых подушках
Зимует пленником пурги
Троллейбус пестрый, как игрушка,
Как домик бабушки Яги. В
серебряном обледененьи Его стекло
и стенок дуб.
Ничком на кожаном сиденье Лежит
давно замерзший труп.
А рядом, волоча салазки,
Заехав в этакую даль,
Прохожий косится с опаской На
быта мрачную деталь
[6, с. 109].

Дорожка, бабушка Яга, избушка, подушка в стихотворении словно отвлекают и создают впечатление пространства уюта, которое, как в дурном сне либо в фильме ужасов, вдруг оказывается троллейбусом, везущим мертвецов. По этому поводу писала П. Барскова: «Мне довелось работать с замечательным специалистом по блокадному транспорту, и он воскликнул однажды: “Представляете себе, троллейбусы в ледяной корке стояли такие яркие, как елочные игрушки!”» [2; с. 61] На троллейбус в стихотворении оборачивается прохожий, который направляется к смерти. Важную роль здесь играют салазки. Именно они наравне с карточками являются характерной особенностью быта в осаде и одновременно символом его извращенности: детские саночки, салазки стали погребальными повозками. Теперь то, что раньше вызывало радость, выступает в роли инструмента блокадного быта для отправки в небытие. Текст Крандиевской ярко и пугающе запечатлел эту перемену.

Из-за слабости, усталости и притупившегося чувства самосохранения даже снаряды, которые подрывают дома, не пугают лирическую героиню блокадного Ленинграда. Безысходность теперь чувствуется во всем, внешняя несвобода стремится стать внутренней: «К сердцу придвинулась ближе осада, в которой живу я» [6, с. 107]. Но, несмотря на нехватку сил, привыкнуть к ужасам войны невозможно:

Шаркнул выстрел. И дрожь по коже,
Точно кнут обжег [6, с. 109].

Война настолько закалила трудностями поэтессу, что та написала про себя с подругой: «Фронта мы каленые сердца» [6, с. 114].

Наталья Крандиевская каждый день слышит и видит снаряды, которые попадают в дома людей, но она не отчаивается и верит, что «фугасная» обойдет ее стороной. А после взрыва обязательно наступает затишье. Но это страшная тишина, при которой становится понятно, есть ли новые невинные жертвы кровопролитной войны или в этот раз все обошлось: «И снова взрыв. И снова тишина» [6, с. 111].

Создается впечатление, что в оружии героиня теперь разбирается не хуже опытного бойца:

И за танком – ленинградка,
Что с винтовкою идет
[6, с. 97].

Таковы военные реалии, которые прочно вошли в ткань женской поэзии. Ни одного человека не оставила война равнодушным. Но все поразному к ней отнеслись: кто-то собрал все свои вещи и уехал в безопасное место, кто-то ушел на фронт, кто-то остался переживать все ужасы войны в родном городе. Героиня никого не осуждает, но сравнивает людей, которые покидают блокадный Ленинград, с грачами, поднявшимися в небо и улетевшими. Поэтесса показала, что война коснулась абсолютно всех людей вне зависимости от сословия, профессии, социального статуса и количества наград. Каждый стремился поскорее добраться туда, где войны нет, забывая о том, что все ужасы уже проникли в сердце и душу каждого человека:

А беженцы на самолетах
Взлетают в небо, как грачи. Актеры в тысячных
енотах, Лауреаты и врачи.

Директор фабрики ударной,

Завтрестом, мудрый плановик,
Орденосец легендарный И
просто мелкий большевик
[6, с. 95].

Но достоин восхищения именно тот, кто выносит на плечах все тяготы военного времени. Простой народ, упорно и отважно сражающийся за жизнь и тем самым маленькими шагами приближающий страну к победе:

Впереди народ шагает. Лечь
ничком на голый лед, –
Видно, дедову сноровку Не
забыл еще народ!
[6, с. 96]

Блокадный Ленинград заставил тысячи людей пересмотреть свои ценности, взгляды на этот мир. И Наталья Крандиевская-Толстая замечает, что по-другому стала воспринимать привычные ранее вещи. Каждая мелочь теперь ценится так сильно, как никогда ранее:

Научились ценить все, что буднями было:
Этой лампы рабочей лимит и отраду,
Эту горку углей, что в печи не остыла, Этот
ломтик нечаянного шоколаду
[6, с. 112].

Посвящая стихотворение Марии Филипповой, своей подруге, Наталья Крандиевская признается, что не считает себя героем, она просто стойко переносит все беды и лишения блокадного времени. Писательница говорит о том, что она такой же человек, как и тысячи ленинградцев, попавших в жернова истории и мужественно выстоявших в войне:

Этот день мы вытянем, как жребий,
Стойкие в удачах и в беде,
И не будем говорить о хлебе,
И не будем думать о еде. Мы с
тобою не герои. Люди
[6, с. 114].

Как бы долго ни длилась военная зима, в измученный город приходит весна, казалось бы, время радости, солнца, возрождения. Но война изменила многих. Нет больше сил для веселья в нечеловеческих условиях:

Весна. Война. Все согласовано. И
нет ни в чем противоречия.
А я стою, гляжу взволнованно На
облики нечеловечьи
[6, с. 110].

Очерствели людские сердца, но вопреки всему Наталья находит в себе силы для того, чтобы вдохнуть свежий запах апрельского тепла, которого так не хватало долгие месяцы зимы. Ее душа взволнованно оживает, и весна вселяет надежду и радость:

Наперекор событиям живу – И
радуюсь апрельской непогоде
[6, с. 117].

Крандиевская не теряет веры в то, что скоро все изменится, кончится война и наступит то, чего миллионы людей ждут уже несколько лет, – мирное время. И не будут больше летать снаряды над головой, не будут больше под дверью лежать трупы, обязательно настанет время, когда все изменится к лучшему. В этом неугасимом оптимизме и надежде особая сила ее стихотворений:

Будет день – на небо ясное
Тишина взойдет. Из-за
облака фугасная К нам не
упадет
[6; с. 111].

Таким образом, Наталья Крандиевская-Толстая внесла свой вклад в женскую поэзию военного времени. Она не променяла блокаду на более спокойную жизнь в эвакуации, стойко переносила все трудности, которые испытывали люди во время осады родного города и смогла с фотографической точностью создать поэтическую летопись блокадного Ленинграда, описать голод и смерть, ужасы ночных налетов, невыносимые страдания и мужество людей, ставших заложниками войны. И при этом поэтесса разделила эти страдания, увековечила их в слове, но не разучилась радоваться простым радостям жизни, весне, творчеству, красоте, – всему,

что ее окружало, в военные годы, выразив все свои переживания с автобиографической и психологической точностью в стихах.

Блокадные стихотворения поэтессы можно назвать вершиной раскрытия ее таланта, переходом на новый, зрелый, уровень творчества и ярким образцом военной поэзии. Стихотворениям Крандиевской блокадной тематики присущи такие черты, как повышенное внимание к деталям военного быта, историзм, натурализм, предельная искренность.

Несмотря на детальные описания опасных и порой ужасных условий жизни в блокадном городе, в военной поэзии сохраняется оптимистический взгляд поэтессы на жизнь, которая сильнее войны и смерти. Крандиевская глубоко верит в победу народа и спасение города; она дает пример стойкости и мужества в нечеловеческих условиях, а Ленинград описывает как родной дом, который покинуть она не может и не хочет ни при каких обстоятельствах.

Библиографические ссылки

1. «Под ярким светом прожекторов немцы впадали в панику...» [Электронный ресурс]. URL: <https://mozgokratia.ru/2020/10/pod-yarkim-svetom-prozhektorov-nemtsy-vpadali-v-paniku> (дата обращения: 11.03.2023).
2. *Барскова П.* Седьмая щелочь: тексты и судьбы блокадных поэтов. Изд. 2-е, испр. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2023.
3. *Катаев В. О Н. В.* Крандиевской-Толстой // Крандиевская-Толстая Н. Дорога. М., 1985. С. 3–10
4. *Крандиевская-Толстая Н. В.* Дорога: стихотворения. М. : Художественная литература, 1985.
5. *Крандиевская-Толстая Н.* Воспоминания. Лениздат, 1977.
6. *Крандиевская Н.* Грозный венок: Стихи и поэма. СПб: Лицей, 1992.
7. *Мануйлов В. А. О Н. В.* Крандиевской-Толстой // Н. Крандиевская-Толстая. Вечерний свет. Л. : «Советский писатель», 1972.
8. *Рубинчик О.* Анна Ахматова и Наталия Крандиевская: история поэтического диалога [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Sborniki/RP_XX_v/Axmatova_2021/04_Rubinчик.PDF (дата обращения: 21.03.2023).
9. Съемка в блокадном Ленинграде [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.aif.ru/leningrad/1209781> (дата обращения: 09.04.2023).
10. *Тюпа В. И.* Литература и ментальность : монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. (Серия : Актуальные монографии).
11. *Чернов А.* Утаенный подвиг Натальи Крандиевской // Крандиевская Н. Грозный венок. СПб., 1992. С. 5–20.
12. *Чернов А.* Шапка-невидимка Натальи Крандиевской [Электронный ресурс]. URL: krandievskaya.imwerden.de/krandSTATIYA.htm (дата обращения: 04.04.2023).